

Маргарита
Южина

Гнездо для Купидона

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Ирония любви

Маргарита Южина
Гнездо для купидона

«Маргарита Южина»

2011

Южина М. Э.

Гнездо для купидона / М. Э. Южина — «Маргарита Южина»,
2011 — (Ирония любви)

Тяжела и безрадостна была жизнь Марии: муж бездельник, дочь тунеядка, тяжелая работа. Так бы все и продолжалось, но тут шалунишка-купидон обратил на беднягу свое благосклонное внимание. «А ведь эта красавица и умница достойна лучшего», – подумал он. В избранники Марии он выбрал Глеба Савельева – мужчину основательного, состоятельного, с чувством юмора. Одним словом, не мужчину, а мечту любой женщины. Любой, но только не Марии. Ведь у нее муж, дочь, хозяйство, работа. Разве тут до любви? «Да, придется потрудиться», – решил купидон и незамедлительно принялся за дело...

© Южина М. Э., 2011

© Маргарита Южина, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Маргарита Южина

Гнездо для купидона

Глава 1

Поднятие домашней целины

«...Вот луны повис рожо-о-о-ок... тым-да ри-да ти-та... приходи ко мне, дружо-о-о-ок, посидим, поокаем...» – доносилось из кухни заунывное пение.

Видимо, «дружок» все же наведалься, да и не один, потому что старенькую песенку терзали три мужские глотки.

– Роман!! Прекрати орать! – рывкнула Маша на мужа, скидывая в прихожей кроссовки.

– Мам!! Вот ты подумай!! – немедленно выскочила из своей комнаты Зойка, дочь-студентка. – Он вот так уже с трех часов надрывается!! И какая тут учеба может быть?.. Папа!!! Засунь в рот рыбу!! И вообще! Папа!! Уйми наконец этих своих «Песняров»! Каждый вечер воют! Достали!!! Мам, ну хоть ты скажи, ну у меня ж на носу сессия!!

– Это не «Песняры» пели, а Пугачева... надо же хоть немножко разбираться в наших музыкальных сокровищах... – пробормотала Маша и устало потянула сумку в кухню.

За столом восседали все те же, знакомые до икоты лица: Васька Петрищев, Лешка Судачков и Машин благоверный – Роман Борцев. Всю эту компанию Маша знала, сколько себя помнила – в одном доме росли, да здесь и осели. Раньше это были залихватские парни, веселые, вихрастые, а сейчас за столом сидели полысевшие, блеклые старики. Хотя... и года вроде бы не слишком пугающие – всего-то за сорок, а беспробудное пьянство нанесло на мужские лица свои следы. И ведь ни один из бывших дружков в люди не выбился. Эх!

– А ну, дружки-пирожки, давайте-ка по домам, – строго сказала Маша и стала заталкивать в холодильник принесенные продукты.

– А вот... прошу жаловать, прошу-у... моя жена Марья... – заплетающимся языком представлял Ромка свою жену, которую все и без того знали как облупленную. – Она сейчас нас кормить будет. Мане... чка... давай-ка... сгоноши чевой-нибудь...

– Мань, привет. Слышь, Ромк, а мы еще эту не пели... – кивнул Маше лысый, как коленка, Петрищев и жалостливо затыкнул: – «Ах, была, как Буратино-о-о... я когда-то молодая-а-а...» Лешка, пой давай, чего я один надрываюсь?.. «Триста лет тому наза-а-ад...»

– Все! – уже строже заявила Маша. – Творческий вечер считаю закрытым. Давайте по домам. И где только деньги берут каждый день водку хлестать...

– А ты бы вот взяла да спросила, – насутился супруг. – Поинтересовалась бы так нежно: «Где же ты, Ромочка, деньги взял на водку?»

– И где же ты взял? – послушно спросила Маша.

– Не твое дело! – гордо дернул кадыком муженек. – Заработал! Целую тыщу, вот!! Но... мы поделили по-братски, и... теперь у меня осталось...

Муж полез в карман, долго что-то нащупывал и наконец явил свету кулак с зажатыми десятками. Маша только вздохнула, молчком ухватила за шиворот Ваську Петрищева и поволокла к двери. Васька был тощ и худ, поэтому тащить его было одно удовольствие – у пьяного мужика даже сил не хватало сопротивляться. Лешка же бодренько подскочил сам и взъерошенным воробышком поскакал к своим ботам – Машки он побаивался с детства.

– Га-дюка! – выдал Роман Викторович, когда за друзьями захлопнулась дверь. – Я... я обиделся, так и знай. Пойду все маме расскажу...

И супруг нетвердой походкой направился к двери. Маша только равнодушно мотнула головой. Сейчас и правда к матери побежит. Благо она обитает в соседнем подъезде, где еще парнем жил и сам Ромка. А уж потом... потом они оба притащатся, и начнет свекровушка Марью жизни учить... Но минут десять можно спокойно потратить на ужин. Да и Зойку покормить надо, у девчонки и в самом деле скоро сессия.

– Зой, пойдем ужинать... – заглянула мать к дочери в комнату и тут же испуганно двери захлопнула – ее старательная дочурка в своей комнате обнималась с очередным... как у них теперь называется-то?... с бойфрендом, вот.

– Mam, ну ты прям ваще! – выскочила Зойка с выпученными глазами. – Ну давай сейчас ко мне врываться станем, да? А я, между прочим, от книг только-только оторвалась!

– Да я покормить хотела... – растерянно поморгала Маша и, чтобы загладить вину перед дочерью, решила показать к парню свое расположение: – Мишенька, пойдемте, пожалуйста, поужинаем.

– Mam! Ну какой Мишенька-то!! Когда это вообще даже Юрка!!! – еще больше обозлилась Зойка.

– Но... ты ж мне еще вчера про Мишу рассказывала. Говорила: «парень отпад»!

– Так то ж вчера! А сегодня у меня уже Юрка! Он-то еще круче! А потому что Мишка ваще на Ирку запал! Она себе прикупила такой прикид! А к нему еще сумочку! Ну тот и завял сразу! А у меня с таким батяней ваще жизнь не клеится ни в какую!

– Ире тоже не отец покупал, – напомнила мать. – Она работает, сама себе покупает. Ты, между прочим, тоже могла бы, на заочном ведь учишься.

– Ха! Батя вон ваще нигде не учится! – возмутилась Зойка. – И ни фига не работает! А ты его...

– Зой, так чего там про еду-то? Пошутили, что ль? – высунулся из комнаты дочери новый друг Юрка.

– Да ты ваще там сиди, мама ж Мишку звала! – рыкнула на парня девица и захлопнула дверь, чуть не обрубив любимому нос.

В это время в соседней комнате что-то шумно обвалилось, крикнуло и раздался долгий, протяжный зев.

– О! Еще одна проснулась! Иди, корми нас, – буркнула Зойка и поспешила на кухню.

Перед Машей и в самом деле распахнулась дверь, и появилась девушка с распущенными волосами и заспанными очами.

– Иветта, а ты... ты все еще спала? – аккуратно спросила Маша.

– Ой, Мария Игоревна, вы же знаете, я ношу ребенка, потому и в сон тянет постоянно, – отмахнулась Иветта и побрела в кухню.

– Ты этого ребенка второй год носишь, – ехидно фыркнула Зойка. – Как слониха прямо. А живота как не было, так и нет.

– Зойка! Сколько раз говорить?! – сразу же взвилась Иветта. – Раньше была ложная беременность, но... мы с Александром над этим поработали и... пожалуйста! Через восемь месяцев ты станешь теткой!

– А Санька знает, что ты беременеешь, когда вздумается? – не могла успокоиться настырная Зойка.

– Зойка! Не трепи мне нервы! А то племянник будет нервным, – лениво огрызнулась Иветта, погружаясь в недра холодильника.

– И в самом деле, – поддержала невестку Маша. – Зоя, ну чего ты грызешь ее все время?

– Да я, мам, просто думаю – как так? – щурила глаза Зойка и стреляла въедливым взглядом на невестку. – Ежели Санька уехал на свой этот Север два месяца назад, а у нее беременности только месяц, с кем это она «поработала»?

– Зоя!! – одернула Маша дочь, но, произведя в уме некоторые расчеты, обернулась к Иветте: – Ив... а правда, как же так получается?

Девушка возле холодильника нисколько не смутилась.

– Обыкновенно... я же просто так сказала – наобум, что через восемь месяцев, а дитенок может и через семь уже появиться... Мария Игоревна, а вы колбаски не брали? Я чего-то так колбаски хочу в последнее время, наверное, мальчик будет.

– Такой же, как наш батяня, того тоже на колбасу тянет, когда напьется, – пробубнила Зойка.

– Зоя!!! Да что ж такое-то?! Прекрати немедленно! – дежурно рыкнула на дочурку Маша и пошла переодеваться.

Взяв халат и чистое полотенце, она напрямик направилась в ванную. После тяжелой работы и вечной суеты только горячая ванна помогала ей вернуть силы, сбросить и физическую усталость, и нервное напряжение. Только под шум воды она могла немного отвлечься и настроить себя на оптимистический лад, чтобы выйти уже бодрой и готовой к домашней, неблагодарной работе.

Но сегодня отвлечься не получалось. И как же это вышло-то, что она одна тянет этот тяжелый воз под теплым названием «семья»? И почему этот воз вдруг стал тяжким? А ведь мама ей с самого детства внушала, что для женщины нет ничего сладостнее, чем любимый муж и дети.

Мамочка ее воспитывала одна и в отличие от многих обозлившихся женщин всегда твердила, что мужчину надо беречь – он же как ребенок! Вот она в свое время не понимала этого, и что в результате? Осталась одна! И у Машеньки нет отца, и сама она, молодая еще женщина, так и осталась никому не нужной. И нечего перебирать! А то ведь и в старых девах можно остаться, мужчин в наше время катастрофически меньше, чем женщин!

Правда, когда мамочка вдруг выскочила замуж, то петъ стала совсем по-другому. Теперь она считала, что женщина создана лишь для того, чтобы мужчина ее баловал. И разве они, женщины, этого не достойны? И вообще умная женщина всегда найдет себе такого мужчину, которого заслуживает.

Теория, конечно, красивая, да только маменька ее поздно озвучила – Маша уже прониклась прежними идеями и выскочила замуж за Ромку Борцева. Парень трудился на заводе, неплохо зарабатывал, да и знает она его уже столько лет. Вон как он за ней ухлестывал – пять лет проходу не давал! И потом – не за Лешку же идти, он ей и до плеча не достает! Маменька оставила Маше квартиру, а сама перебралась к мужу и расцветала с каждым днем все больше. А у Маши началась своя семейная жизнь. Сначала было все неплохо. С Ромкой они жили не хуже всех. В квартиру мебель новую купили, одеваться модно стали, Маша закончила институт культуры и работала в местном ДК. У них родился сын Саша, потом дочка Зоя. Над детьми Маша тряслась, точно курица. Ромка даже ревновать начал, дескать, ему столько внимания никогда не было, а только все детям да детям. Но Маша видела, что и сам он балует их без меры. В общем, семья была самая обычная – так все Машины подруги жили.

А потом все как-то понеслось, да не туда... Что-то ломалось, разваливалось, переделывалось, перестраивалось... Она и не заметила, как годы пронеслись. И вроде бы все правильно делали, а почему-то Ромка потерял должность, несколько раз пытался устроиться, да очень скоро пристрастился к выпивке, и работа отошла на второй план. А потом и вовсе из планов выпала. Правда, Роман все время говорил, что ищет, но... у ее подруг мужья как-то работали, что-то находили, а вот Машин супруг так и оставался не у дел. Дети выросли, Саша женился, а чтобы скопить на свою квартиру, подрядился на смены вахтовым методом: по четыре месяца работать, а потом месяц отдыхать. Поэтому Иветта теперь живет у них одна. Сын приедет только через два месяца. А беременность... да нет у нее никакой беременности! Не может, видно, девчонка родить, что-то там с организмом, а сказать стесняется, вот оттого и ходит уже,

как Зойка говорит, второй год беременная, но она и молодая, еще родит. Правда, Иветта нигде не работает, ну да Саша же трудится! А через два месяца и деньги привезет. И это их семья, как уж им удобнее. Зойка поступила на заочное отделение, учится... правда, тоже работать бы могла, но ведь... разве девчонка не права? Отец – мужик, и тот без дела на диване валяется, а она хоть учится... А Маша всех их тянет. Ну так ведь это потому, что ей повезло с работой. Хорошая подружка открыла свое агентство «Золотые руки» и сразу же позвала к себе Машу. Платила очень хорошо, да и заказы старалась давать самые денежные, а то, что приходилось мотаться весь день, так ведь... надо же как-то деньги зарабатывать. Да Маше и самой нравится! Ее обязанностью было ухаживать за стариками, за которых слишком занятые детки хорошо платили. Что-то типа соцработника, но только на коммерческой основе. Маша бегала своим подопечным в аптеки, в магазины, убирала их дома, стирала, иногда готовила застолья, но это уже за отдельную плату. И такие у нее чудесные старики были, что грех обижаться. Правда, их немного, но внимание им полагалось уделять со всей ответственностью. Но Маша не боялась, она уже относилась к своим старичкам если и не как к родным, то уж, во всяком случае, как к хорошим знакомым. Но... но все равно уставала дико. И хотелось бы отдохнуть, да как? Когда? Вот из-за усталости и набегали иногда вредные мысли: «И что же мне никто не помогает? И почему все я одна? И сколько можно на шее сидеть?» Ну, в общем, нехорошие мысли, некрасивые. Но... Она вот так полежит в горячей ванне, и... и на душе становится легче, а жизнь снова играет всеми красками. Нет, все же не зря маменька говорила, что главное для женщины – это, конечно же, семья!

Маша вытерлась насухо полотенцем и с обворожительной улыбкой шагнула из ванной. Даже песенку какую-то бубнить начала для пущего настроения.

– Вот она, поглядите на нее, точно помидор из банки, вся красная, как репа! – тут же поприветствовал ее знакомый голос.

В дверях между комнатами, уткнув руки в бока, стояла свекровь Авдотья Пантелеевна и сверлила Машу испепеляющим взглядом.

– Сама, главное, в водичке парится, а мужа единственного на улицу выкинула! Как мусорное ведро!

– Мам, так еще заметь – мусорное ведро выносят, а меня так вышвырнули, – гаденько подзуживал Ромка, выглядывая из-за мощного плеча матушки.

– Я... не поняла, а почему... репа? – растерянно моргала Маша. – Вы сказали, что я красная, как репа, а...

– Да ты не красная, а наглая, просто сил нет! – добавила силы в голосе свекровь. – Ты, я интересуюсь, почему это мужа своего выкинула, как коврик какой?! Уже не нужен стал, да?! Когда деньги ведрами таскал, тогда нужен был, а сейчас, когда у него надорванный организм...

– Баб, кому орем? – Из своей комнаты высунулась Зойка. – Опять отца притащила? Я тебе точно говорю – будет так пить, я от него откажусь! Останется бездетным, вот!

– Зоюшка, детка, да разве ж так-то на папу можно? – мгновенно изменилась свекровь. Бабушка просто обожала внучат, и те буквально вили веревки из этой грозной женщины. – Он же... старенький уже, ты на него только посмотри. И как тебе его только не жалко?

И Зойка, и Маша уставились на Романа. Вид у того и в самом деле был далеко не свежий и молодостью глаз не радовал.

– Ба, а если он старенький, ты тогда какая? – честно спросила Зойка бабушку.

– Я-то?... – на миг замешкалась Авдотья Пантелеевна: признаться в собственной старости у нее язык не поворачивался. – Так я-то еще... моложавая! Я как-то на славу удалась – не старею. А чего? Седина не прокрасилась, да?

– Не, погодите... – вдруг возмутился Роман Викторович. – Мам, ты чего несешь-то? Какой я тебе старенький?! Да я!.. Ко мне сегодня вот прям так подошла молоденькая девка и давай глазки строить! Прям вот так в наглую! Я ж... я прям не знал – чего делать-то? А она все

косит глазами-то, а сама так спрашивает, дескать, как пройти на Комарова! А я... И главное, девчонка-то славная такая!

– Ой, да она вас за дворника приняла, вот и спросила, – проплыла мимо родственников Иветта, ухватила с кухни пряник и капризно скривила хорошенькое личико. – Вы тут потише, а то мне сейчас Саня на сотовый звонить будет, а вы визжите, как потерпевшие.

И так же неспешно удалилась в свою комнату. Господа Борцевы захлопнули рты и стали прислушиваться к звукам в комнате молодых. Там на мгновение повисла редкая гостья – тишина, но ее тут же спугнул резкий звонок домашнего телефона.

– Это Саня!! – с диким воплем кинулась к телефону Авдотья Пантелеевна, отшвырнув сыночка. Сашу она тоже любила нежно и трепетно. – Да?! – старой вороной каркнула она в трубку и тут же разочарованно поджала губы. – Марья! Это тебя! Не успела домой прийти, а уже и звонки какие-то! Ни минуты покоя нет!

Маша запахнула посильнее халат и взяла трубку.

Звонила одна из ее подопечных, и, судя по дрожащему голосу, у старушки случилось нечто страшное.

– Машенька!! Срочно! Ко мне! Меня убивают!! – сбивчиво проговорила она и тут же бросила трубку.

Маша ничего не поняла, но безоговорочно полезла в шкаф за джинсами и свитером: чего спрашивать, когда надо спешить?

Она бежала по вечерним улицам и старалась только не опоздать. Мысль, что ей и самой бы надо испугаться или хотя бы кого-то взять себе в помощники, даже не успела прийти ей в голову. Маша мысленно благодарила подружку Таню, которая специально подбирала ей подопечных недалеко от дома – для удобства. И Капитолина Семеновна, тетя Капа, как ее звала Маша, жила в двух остановках. Сейчас это здорово пригодилось.

Едва Маша забежала в нужный подъезд, как сразу же услышала шум.

– Господи, что там у нее опять стряслось? – с волнением пробормотала она, несясь вверх через две ступеньки.

Возле знакомой двери стоял здоровенный верзила в свитере и в синих джинсах и упрямо держал палец на кнопке звонка. Рядом суежилась щупленькая старушка, с которой Маше уже не раз приходилось встречаться, и дергала верзилу за рукав:

– Да ну ее, Глебушка, пойдем домой.

– погоди, мам, откроет, куда она денется, – пыхтел незнакомый Глеб и гневно поджимал губы.

– Простите, что произошло? – запыхавшись, строго спросила Маша. – В чем дело?.. Да отпустите вы звонок! У Капитолины Семеновны что-то случилось? Она не открывает двери? А спасателей вызвали? Может быть, ей плохо?

– Ей-то как раз хорошо! А вот соседке ее... мама, иди к себе... а вот соседка ее!.. – вытаращился на Машу верзила и вдруг, схватив ее за локоть, поволок вниз по лестнице. – Пойдемте, я вам сейчас покажу. Да пойдемте, чего вы за перила цепляетесь?

– Да что вы делаете... куда вы меня волочете?! Что за произвол?! Отпустите немедленно!!! Граждане! Вызывайте милицию! Здесь буквально похищают женщ... – пыталась сопротивляться Маша, но граждане в своих квартирах сидели тихо, по-мышинному, а ее похититель на грозные выкрики никакого внимания не обращал.

– Девушка, да вы не пугайтесь... – семенила за ними старушка – божий одуванчик и пыталась сгладить ситуацию. – Это мой сынок, Глебушка, он хороший.

– Да что ж вы вцепились-то, как паук?! Отпустите!! Отпустите... – вырвала наконец локоть из цепких рук Маша, гордо дернула подбородком и поправила свитерок. – Я сама пойду, если уж вы так... приглашаете!

– Пойдемте-пойдемте... – недобро сверкнул глазищами мужчина и подтолкнул ее к открытой двери, которая находилась как раз под квартирой Капитолины Семеновны. – Проходите. Вот! Смотрите! Да вы в кухню проходите, чего вы в прихожей-то увидите... Сюда идите! Вот!!

Маша осторожно прошла в кухню, и взору ее представилась нелицеприятная картина. Дорогое пластиковое окно было разбито, по маленькой, чистенькой кухоньке валялись стекла и изрядно веяло холодом.

– Ну как? Нравится? – гневно прищурился Глеб. – Да вы не молчите! Вы активнее выражайтесь, активнее!

Активнее выражаться не позволяла совесть. Маша уже примерно догадывалась, чьих рук это дело.

– Сколько? – устало плюхнулась она на аккуратненький беленький стульчик. – Вы напишите, сколько стоит ваше окно, а мы оплатим... в течение месяца. Вы же знаете, мы все убытки соседям выплачиваем регулярно.

Действительно, за Капитолиной Семеновной водился такой грешок – она постоянно причиняла соседям эти самые убытки. Причем не всем, а лишь несчастной бабушке, которая проживала прямо под ней. Раньше Маше приходилось встречаться с самой старушкой, она даже помнит, как ее зовут... как же... Ах да, Вера Дмитриевна, точно. Такая вежливая, не скандальная бабушка, а вот с этим мужиком... кажется, это ее сын, так вот с этим грубияном Маша встретилась впервые.

– Вы знаете, – уселся напротив нее этот Глеб, – я уже не намерен просто брать деньги по счету. Сейчас я буду требовать за моральный ущерб. И очень серьезную сумму!

– Ну конечно! Как же! – скривилась Маша. – Сам небось заработать не можешь, так теперь давай со стариков драть... Мы будем вашу серьезную сумму обжаловать в суде.

– Да хоть где! – взвился верзила. – Да потому что уже сил никаких нет!! За последний месяц ваша матушка семь раз топила нас! Семь раз!!! За месяц!!!

– Так мы же все оплатили! – вытаращилась Маша.

– И чего? Я так и буду возле ванной с мастерком стоять? – резко повернулся к ней Глеб. – Чего мне с вашей оплаты?! Первый раз затопили, заплатили, я сделал ремонт, молчал – с кем не бывает. Второй раз... ну третий, ну даже четвертый! За месяц! Но уж семь-то раз!!! Да вашей матери вообще воду отключить надо, если она ее только на пол льет!!!

Маша пропускала мимо ушей замечания по поводу родства с Капитолиной: некоторые подопечные частенько представляли ее перед соседями родней – то дочкой, то невесткой, видимо, стеснялись, что настоящим детям до них нет дела. Так что сомнительное родство ее не слишком настораживало, а вот почему тетя Капа опять взялась за хулиганство? Ведь предупреждала ее Маша, что если еще раз она соседку затопит, то их агентство вынуждено будет срочно вызывать сына. Сын у тети Капы давненько перебрался в центр России, имел приличный доход, однако ж матушку навещал весьма редко, хотя и оплачивал щедро любые ее капризы. И сама Капитолина Семеновна сына вызывать наотрез отказывалась – берегла его нервную систему и ценила время родного дитяти. Так в чем же дело? Отчего она так невзлюбила свою соседку? Вера Дмитриевна была старушкой тихой, очень приятной и сносила все выходки соседки с завидной стойкостью. Чего ж Капитолина выдумала на этот раз? И зачем?

– И что, это все – она? – кивнула Маша на разбитое окно. – Это ж какую силу надо иметь... а зачем вы ее впустили-то? – обернулась она к старушке.

– Так я ж и не впускала... – махнула сухонькой ручкой Вера Дмитриевна. – Я ж и вовсе не знала, что это она. Напугалась, сейчас же время-то... сами знаете какое... думала, ко мне воры лезут, ну и...

Мужчина устало вздохнул и принялся доходчиво объяснять:

– В общем, тут такое дело... Кстати, меня зовут Глеб Сергеевич Савельев, я сын этой пострадавшей женщины... Можно просто по фамилии, у нас с вами будут еще долгие разбирательства... Так вот. Ваша маменька выждала, когда на улице стемнеет, и... вот уж не знаю, по какой причине, но придумалось ей поиграть. Прицепила к веревке палку какую-то...

– Скалку, скалку она прицепила, – подсказала Вера Дмитриевна. – Привязала к веревке, опустила и давай этой скалкой мне тихонечко в окно стучать.

– Ну да, – кивнул Савельев. – Но... видимо, одной скалки ей показалось маловато, и она...

– Так это потому, что я сначала не слышала, – пояснила старушка. – Ну стучит и стучит. А где... сразу и не сообразила. А потом-то, когда увидела, как ко мне в окно штаны лезут...

– Погодите, как это? – не сообразила Маша. – Штаны сами лезли? Одни? А кто в них был? Тетя Капа?

– Да какая Капа?! – снова вскочил Глеб Савельев. – Она эти штаны на вешалку привязала и стала спускать! А моя маменька подумала, что воры! И...

– В общем, я решила бороться! – героически дернула седенькой головкой престарелая дама. – Я схватила мясорубку и... в общем, прямо через стекло по этим штанам! Ну и... немножко окошко повредила.

– Так вы сами?... А зачем же вы через стекло? – не понимала Маша.

– Это я специально. Открывать-то окошко страшно – вдруг запрыгнет! Или еще чего доброго – упадет, скину его мясорубкой-то. А так – по окошку – только звон. И люди сразу внимание обратят, ежели он даже побежит, его поймают, не дадут далеко уйти.

– То есть вы таким образом привлекали внимание, так я поняла? – стало доходить до Маши.

– Совершенно правильно. Вот и получилось... окошко-то разбито, – виновато смотрела на нее Вера Дмитриевна.

– Можно было вызвать милицию. Чего ж вы не сообразили?

– Так пока б я к телефону-то побежала бы, он бы и заскочил! Нет, мне его упускать никак нельзя было, – решительно помотала головой бабушка.

Маша вздохнула с некоторым облегчением.

– И все же... за окно мы платить не будем.

– Будете! – сверкнул очами Савельев. – И за окно, и за издевательства над пожилым человеком. И вообще! Вы уймете когда-нибудь свою мать? Это что творится? Мне мама звонит, ее всю трясет, женщина перепугана, я несусь сломя голову... это еще хорошо, что я живу в соседнем доме, а так бы... мог и не успеть – случился бы инфаркт. Я б вас! Я посадил тогда! И все из-за этой старухи!!

– Ну... сегодня-то Вера Дмитриевна сама себе навывдумывала и окошко разбила сама.

– Ну конечно!! Вот она так лежала, смотрела кино, а потом как давай себе окошки колотить!! Нет уж, вы хвостом не вертите!!! Придется вам отвечать за выкрутасы вашей маменьки!!

– Да чего вы кричите-то?! – возмутилась Маша. – И где вы увидели хвост?! Главное еще – не вертите!! Больно надо! Я, между прочим, тоже с самого дома неслась!! Не успела из ванной вылезти, а тут вы!! С вашими окошками!! И чего случилось-то? Ну, скучно стало одинокой женщине! Решила она сама развлечься и подружку свою развлечь! Скалочкой в окошко постучала, штанишки на вешалке спустила, надо же, горе какое! Да с чего вы решили, что там вообще были какие-то штанишки!

– Да я ж их сам сорвал!!! Вербка у нее зацепилась, она и не успела их назад втянуть! – вскочил Савельев, убежал в комнату и притащил несложную конструкцию из вешалки, скотча, веревки и стареньких штанов. – Вот они – развлечения вашей матушки! И потом – отчего это я и моя мать должны развлекать вашу маменьку?! Вы – дочь, вот заберите ее к себе и развлекайте. От нее уже житья не стало!! Она ж вам родня!!

Маша тяжело вздохнула:

– Да не родня она мне. Так только... наше агентство за ней ухаживает. Ну... давайте так сделаем, вы никуда ничего не подаете, а я... я с ней постараюсь поговорить... просто непонятно, чего ж она к вашей маме прицепилась.

– Ну так... понятно чего, ее злоба гложет, что у моей матери сын имеется, а она... вроде как и не нужна никому, – тоже вздохнул Савельев.

– Да ведь у нее тоже сын есть. Звонит ей, деньги шлет... Нет, здесь что-то не так... – задумалась Маша и обернулась к старушке: – Вера Дмитриевна, а вы сами не знаете? Вы не ссорились с ней?

– Да нет, миленькая, что ты! – как-то слишком быстро замахала ручками та и поспешно отвернулась к разбитому окну. – Глебушка, а как теперь окно-то? Холод ведь какой.

– Сейчас полиэтиленом затянем, а завтра я к тебе ребят пришлю, новое вставят... – поднялся Глеб Савельев, и Маша поняла, что аудиенция закончена.

Можно было идти домой – вопрос она разрешила, но Маша поднялась на этаж выше.

Она звонила долго, за дверью слышалось шуршание, но открывать не торопились.

– Капитолина Семеновна, откройте, это я – Маша! – уже подала голос Маша. И опять – за дверью настороженная тишина. – Откройте, или я буду звонить вашему сыну.

Наконец в дверях зашуршал замок, и на пороге появилась радушная подопечная.

– Ой! Ма-ашенька! А я-то думаю, и кого ж это в такую темень занесло?! Инда испугалась вся из себя... а чего ж тебя носит-то в такую пору? Не спится, что ль?

– Да где уж здесь уснешь... – ворчала Маша, проходя в чистенькую комнату старушки. – Вы, тетя Капа, чего звонили-то?

– Я? А когда это? – точно плохой актер, наивно захлопала глазками бабушка. – Ежели вчера, так ты сама приходила, не звонила я, да у меня к тебе и никаких жалоб нет, всем я довольная.

– Да нет же, не вчера. Сегодня... час назад, не помните? – выжидательно смотрела на нее Маша. – Тетя Капа, ну что опять за причуды? Ну вы же замечательная женщина, ну к чему вот эти вот штаны всякие, вешалки? Скалки какие-то?

– Чего это?! Савельиха опять наболтала? – сразу же переменилась в лице замечательная женщина. – Дык ей всю жисть одни токо штаны и мерещатся! Самой уж пора домовину строить, а она все, как барышня какая, токо на штаны и заглядывается! Бесстыжая она, попомни мое слово, бесстыжая!! Я так всем и говорю – все люди как люди, а эта, улитка, бесстыжая!

– Ну что она вам сделала? Вы ее регулярно затапливаете, а она ведь даже слова про вас плохого никогда не скажет. Все миром пытается, а вас никак дружба не берет.

– Это чтоб я с этой курицей еще и дружбу водила?! Не бывать этому никогда! Такое мое слово!

– Да что случилось-то меж вами?

– А то и случилось!.. – не знала что сказать Капитолина Семеновна, а потому пошла опять в наступление: – Подумаешь-ка, я ей в окошко стукнула! А она-то сдуру себе и вовсе всю раму вынесла! Обрадовалась, что к ей хахаль лезет! Ха! Да кому ж такое сокровище надобно-то? Я вот, будь мужуком, ее б за версту обходила! Вот надо б было мне, к примеру, на рынок, а на путях она стоит, так я б специально круг дала, чтоб токо ее не зреть! Ничего, обошла б ее, для бешеной собаки сто верст не крюк... То ись... я не про бешеную хотела сказать... об чем это я?

– Капитолина Семеновна, – строго заявила Маша. – Если вы не успокоитесь, наше агентство вынуждено будет от вас отказаться.

– Дык а чего я сделала-то? – всерьез перепугалась старушка. – Вот ты мне как сказала, чтоб я воду-то не лила, так я и не лью. Все. Не топлю ее теперича. Пушай хоть засохнет вся!

– Значит, вы ее специально топили?

– Конечно! Это чтоб она у себя в ванной-то хоть полы помыла, а то ж ведь вся грязью заросла! Прямо даже неудобно перед людьми, соседка ж жить!

– Конечно, теперь ей не только полы моют, ей ремонт через каждые три дня делают.

– Вот! – утвердительно мотнула головой бабушка. – А ежели б не я, да разе ж она когда б потолок покрасила?!

– В общем, Капитолина Семеновна, я вас предупредила – чтоб никаких штанов. И вообще – скалкой тоже не стучать! И воду не лить, у нее теперь чистота. И ручки кетчупом не мазать! И в почтовый ящик горящие газеты не бросать. И на дверях не писать, что она улитка бесстыжая...

– Как же не писать-то? – огорчилась Капитолина Семеновна. – От мела-то какой вред будет?

– Я сказала – не писать! – еще тверже произнесла Маша и поднялась с дивана. – В общем... я думаю, мы с вами больше ссориться не будем. Спокойной ночи.

– Ну да... спокойной... – ворчала старушка, прикрывая двери. – Сама прибежала, наругалась, а теперь ночи какой-то спокойной придумала.

Маша пришла домой совсем поздно – часы показывали уже двенадцать десять. Но ее домашних это нисколько не смущало, потому что еще из прихожей она услышала знакомое:

– «Вот луны повис рожо-о-о-ок...» – выводил какой-то новый, молодой голос.

Маша заглянула в кухню и остолбенела – за столом сидел ее муженек, а рядом с ним, подперев щечку кулачком, пригорюнившись, выводил рулады новый Зойкин друг. Юрка, что ли...

– Зоя... – прошла в комнату к дочери Маша. – Чего это твой друг с отцом-то надрался? Ведь такой молодой, а туда же – в рюмку заглядывает. Ты б его выпроводила, поздно ведь.

Зойка, оказывается, уже преспокойно спала, и приход матери ее не обрадовал.

– Мам, ну чего ты всегда врываешься, как цунами какая-то? – сонно пробормотала она. – Чего опять не так-то?

– Я спрашиваю: чего твой дружок-то с отцом-то бухает? Время уже позднее, иди проводи гостя! Главное, сама спать завалилась, а парень сидит!

– Ма, так ему идти некуда, у него общага уже закрыта, пусть воет, – отмахнулась дочурка, перевернулась на другой бок и по-мужички, сочно захрапела.

Маша поплелась стелить парню в гостиной, на диване, мужу, конечно, придется перекочевать на пол, ну да ему уже все равно.

– Все, хватит молодежь спаивать, – появилась она на кухне и с силой вырвала из рук супруга бутылку. – А вы, молодой человек, идите ложитесь в гостиной, я вам уже постелила. Завтра вам рано на работу.

– Не, мне не на работу, – беспечно махнул рукой парень. – Я ж учусь. На первую пару не пойду... дядь Рома, ну как там дальше-то?.. «Посидим, поокаем!»

– Нет! Дальше не так! Сколько уж «окать»? Дальше... «Ну что ж меня ты не наше-е-ел, заблудился, что ли?» Маш, а чего ты страшная такая? Иди, накрась себе... брови! А то перед парнем стыдно! Молодежь подумает, что я на тебе женился по расчету... Слышь, Юрка, давай дальше... «А-а-ай, хорошо-о-о-о! Ай, хорошо!»

Про «хорошо» дружно рявкнули оба, им и в самом деле было уже славно.

Маша поплелась в комнату к дочери – своей спальни у нее при разделе отдельных квадратов как-то не случилось. Всего три комнаты, молодым надо выделить одну, святое дело; дочери тоже – растет девчонка, друзья приходят... Оставалась только гостиная, но там собирались все вместе смотреть телевизор. Вот в этой гостиной и спала Маша с Ромкой на разложенном диване. Но сегодня она побрела к дочери – диван был занят. Проходя мимо зеркала, она мельком взглянула на себя и на секунду задержалась. И правда, после ванной волосы у нее растрепались, лицо без макияжа выглядело блеклым, а на коже предательски собрались морщинки.

– Ужас. И в таком виде с людьми разговаривала, – вспомнила она инцидент у Капитолины Семеновны, но тут же про него забыла – да черт с ним, с зеркалом! Выспаться бы – денек-то выдался не праздничный. – Зой, подвинься, дай-ка я твой диван раздвину, а то мне спать негде, – толкнула мать дочурку в круглый бочок.

– Мам!! Ну опять ты?! Ну прям ни днем ни ночью! – рыкнула девчонка и, не открывая глаз, скатилась на пол, на ковер.

Маша быстренько постелила и уже молчком подняла дочурку с пола. Зойка была теплая, мягкая и сопела совсем как в детстве.

– Спи, мой дитенок, – чмокнула мать Зойку в раскрасневшуюся щеку. – И я сейчас к тебе... под бочок... Господи, как хорошо-то...

– «А-а-а-ай, хорошо-о-о-о, а-а-ай, хорошо...» – вторили ей с кухни певцы домашней самодеятельности, но даже они не смогли ей помешать – Маша уснула, даже не успев коснуться головой подушки.

Утром Маша вскочила самая первая. Она всегда вставала раньше других, хотя честно считала себя совой. Просто работа заставляла просыпаться, когда все кругом еще спали. Поутру долго не могла проснуться – бродила, тыкала пальцем в кнопку чайника, а глаза никак не открывались. Ночка выдалась еще та. Не успела Маша уснуть, как к ним в комнату стал ломиться молодой дружок и требовать совместного отдыха именно с Зойкой. Зоюшка на сон никогда не жаловалась, поэтому выдворять паренька пришлось Маше. И не единожды. В конце концов парень сдался – улегся на диване и затих, но ненадолго. Пришел Роман и стал тормошить пареньку, дабы продолжить дальнейшее изучение полюбившихся куплетов. Пришлось укладывать мужа. Муж укладываться не хотел категорически. Орал, что он никакой не ванька-встанька и что вообще Маша ненакрашенная и потому он с ней общаться в таком виде не считает возможным. Ор длился до тех пор, пока не выскочила из своей комнаты Иветта и не закатила истерику.

Вполне понятно, отчего нерадивые глаза утром никак не хотели открываться. И все же здоровенная кружка кофе сделала свое дело – Маша пробудилась и стала двигаться быстрее. Уже через полчаса она трясла за плечо пареньку и тихонько говорила ему в самое ухо:

– Молодой человек... молодой челове-е-ек, поднимайтесь. Вставайте, вы уже опаздываете!

– Куда?! – вытаращил стеклянные очи молодой человек. – А-а, это опять вы... я никуда сегодня не пойду, я потом справку притащу.

– А гренки? Вы будете завтракать?

Завтракать молодой человек согласился без промедления. Он бодро скинул ноги и совсем твердым шагом направился на кухню.

«Надо же – вчера ведь какой пьяный был, а дорогу на кухню не забыл», – подивилась Маша и поторопилась за гостем.

– Все? Позавтракали? А теперь домой, – решительно поднялась она, когда вместо гренок на столе осталась только пустая тарелка.

– Так я ж вам говорю – мне никуда не надо, я еще посплю, – возмущенно уставился на нее гость.

– Вот и хорошо, – кивала ему Маша. – Обязательно поспите. Придете сейчас домой, завалитесь в чистую постельку и спите, сколько влезет. А здесь уже все, выспались. Давайте-давайте, а то я из-за вас на работу опоздаю.

Парень с явным недовольством побрел за одеждой, потом еще минут двадцать шумно собирался, нимало не беспокоясь о том, что кроме него здесь еще кто-то есть и эти «кто-то» все еще спят. Но в конце концов он таки покинул квартиру, даже не сказав на прощание «до свидания».

– И в самом деле, на фиг нам такие свидания, – мотнула головой Маша и поспешила в ванную – надо было и самой уже собираться. Она никогда не опаздывала на работу, не хотела подводить подругу.

В «Золотых руках» режим был таков: с утра все сотрудники собираются на планерку, докладывают о своих делах, о затратах, приносят чеки, получают наличку на последующие расходы, решают какие-то насущные вопросы и после этого сразу же уходят к подопечным. Правда, сотрудников было совсем немного, все надежные и старательные, хорошей зарплатой дорожили, и Татьяна, подруга Маши и начальница всего этого заведения, людям своим доверяла. А потому и распорядок частенько менялся – перед начальницей отчитывались ежедневно, но кому когда удобно.

Сегодня в офисе, кроме самой Татьяны, никого не было.

– Тань, привет, ты одна? – забежала Маша. – Я не опоздала?

– Да ты разве опоздаешь? – звучно зевнула подруга. – Никого нет, давай рассказывай, чего там у тебя?

– Ну чего... опять вчера Капитолина учудила, – огорченно махнула рукой Маша. – Представляешь, я уже домой притащилась, в ванну залезла, вышла, думаю, сейчас отдохну, а тут звонок. Ну и побежала.

– А что случилось? «Скорую», что ль, надо было? – обеспокоилась Татьяна.

– Да ну какая «Скорая»? Опять с соседями беда.

– Снова залила?! – округлила глаза Татьяна. – Маш, ну это уже ни в какие ворота!! Ну сколько ж можно?! Они ж нас засудят!

– Не залила, – фыркнула Маша. – В этот раз не засудят. Она просто веревочку спускала со скалочкой до следующего этажа, скалочка об окошко долбилась, а соседка-старушка подумала, что воры, ну и сама по окну шарахнула. Окно вдребезги, но... к нам не прикопаешься. Правда, соседку жалко. Тоже уже женщина в возрасте.

– Ну так давай и ее к нам! – зажглись глаза у начальницы. – А чего? Ты не видела? У нее деньги имеются? А то б мы по всем правилам...

– У нее сын есть, он сам заботится.

– А-а, ну тогда... – мгновенно «погасла» подруга. – Так, значит, говоришь, мы теперь ни при чем, да? Ну слава богу. А то знаешь, эта твоя Капитолина уже столько из меня крови выпила... Ну ты не расстраивайся, я тебе внеплановый выход оплачу, где там у меня журнальчик... Сегодня опять с сынком созвонимся, предоставим ему счет... хороший какой сынок, никаких жалоб, знает свою мамочку-кровопийцу...

– Она из нас еще не все выпила, а вот из соседки... и чего она так на нее взъелась? – Маша грустно покачала головой и вздохнула.

– Слушай, а может быть, тебе ее заменить? – вдруг посмотрела на подругу Татьяна. – Отдам ее Алексею, он у нас мужчина строгий, у него даже самые капризные старушки исправляются, а?

– А мне кого? У нас же новеньких нет. А чужих отбирать тоже некрасиво, это ж деньги. Нет уж, Татьяна, никого заменять не надо... да она со мной и не вредничает. Ну, подумаешь, прибежала ночью, так мне ж за это платят.

– Ой, Машка, всех денег не заработаешь, – вздохнула Таня. – И как ты только можешь? Одна пашешь как верблюд, а твой этот паразит, аскарид этот, только пьет, гад такой! А ты прям разрываешься вся! И дочка уже сколько времени на шее сидит! И невестку еще на себя же взгромоздила!

– Да никого я не громоздила, Иветту Санька содержит. Зойка тоже... учится... Да мне и нравится у тебя работать!

– Да уж... ни днем ни ночью покоя нет... Я вот хозяйка, волноваться должна, ночей не спать, а я... вышла из этого офиса, и голова не болит!

– Ну так понятно, у тебя ж сейчас другие заботы, – хитро улыбнулась подруга.

– Ой, Маш, и не говори! – засветилась счастьем Татьяна. – Вот столько лет жила, тащила на себе все, а не понимала, что тащит на себе все только лошадь... ну еще осел.

– Ишак тоже, – любезно подсказала Маша.

– И ишак, правильно... А женщина! – Таня откинулась на спинку кресла и закинула руки за голову. – Ой, Машка! Ну скажи, для чего придумали таких мужиков, какие у нас с тобой были? Болтались, точно гири на шеях! Настоящие мужчины знаешь какие должны быть?

– Как твой Ален Делон, да? – прищурилась Маша.

– Да!! Только такие! А остальных надо отстреливать! Или ссылать на отдельный остров, чтоб из баб кровь не пили!

– Это прямо по-настоящему отстреливать? Из пистолета, что ли? – округлила глаза Маша.

– Можно из автомата... или лучше пусть дробь! Да пониже спины! Чтобы сидеть не могли, а только работать-работать и работать!.. Маш, смотри! Ну куда ты смотришь? На уши смотри... нравятся?

– У тебя всегда были аккуратненькие ушки... – осторожно польстила Маша.

– Да какие аккуратненькие! Ты на сережки смотри! Нравятся? Это мне любимый подарил. С брюликами. Классно, да? – тихо радовалась Татьяна, а потом склонила голову. – Вот тебе твой Ромочка давно бриллианты дарил?

Маша честно задумалась, хотя чего там думать – такой расточительности у Романа и в молодости-то не было, с чего бы сейчас он принялся бриллиантами швыряться?

– Ой! И она еще вспоминает! Да не дарил он тебе никогда! – не выдержала подруга. – И мой поползень тоже никогда на меня не тратился! И денег у него постоянно не было! Вот на водяру находил, сволочь, а в день рождения любимой жене... А сейчас! Я ведь и сама теперь себе могу подарки покупать, уже твердо на ногах стою, но... черт, когда дарит любимый, это так... это так... короче, тебе не понять.

Маше вдруг залетела в голову недобрая мысль.

– Тань, а что, если этот твой любимый, если он... ну, на твои ноги позарился... в смысле, на твои деньги?

– Маша, ты совсем дура, да? – беззлобно поинтересовалась Татьяна. – Да он у меня успешный бизнесмен! У него у самого денег знаешь сколько!

– А, ну тогда понятно, почему он тебе подарки делает. У него ж денег – помойка. А моему вот Ромке откуда на бриллианты взять? У него денег нет, а так бы, может быть...

Татьяна подошла к окну и красиво закурила, потом выдохнула фигурное облачко и с ехидной усмешкой спросила:

– А кто твоему драгоценному не дает свою «помойку» зарабатывать? Ну стал бы настоящим мужиком, залез в кредиты, открыл дело, потом бы горбатился в поте лица, ошибался, проваливался, снова карабкался, но в результате имел бы свое дело, солидный опыт, кучу денег и дарил бы любимой все, о чем та даже не мечтает! Нет, Машка, такие мужики, как мой бывший да твой настоящий, они из отряда беспозвоночных, только на женах и едут!

– Ну ладно тебе... – поежилась Маша. Слушать подругу было неприятно, тем более что та говорила чистую правду. – Давай деньги на Спиридонову, у меня уже закончились, а ей надо абонемент выкупать. Черт, с ней же сегодня в бассейн, а я купальник не взяла. Придется ее так... караулить.

Спиридонову Екатерину Андреевну, следующую свою подопечную, Маша любила. Пожилая женщина была вдовой известного ювелира, родственников не имела, прямых наследников тоже, и она ни в чем себе не отказывала. В отличие от остальных клиентов «Золотых рук», она сама обратилась в фирму, исправно платила взносы, при всем при этом великолепно себя обслуживала, а Маша ей нужна была в основном разговоров ради. За это еще и допол-

нительно лично ей старушка передавала кое-какое вознаграждение. Маша старалась вовсю и отрабатывала подарки на совесть.

Сегодня она прибежала к Спиридоновой и сразу же виновато опустила глаза:

– Екатерина Андреевна, я ведь чего натворила! Я ведь купальник не взяла, – сразу же повинулась она.

Стареющая леди не любила плавать в бассейне одна – слишком много любопытных взглядов ее всегда сопровождало на водной глади, поэтому и абонемент на Машу она тоже оплачивала, а когда та отказывалась от бассейна, сердилась не на шутку. Но сегодня Екатерина Андреевна только пристально взгляделась в круги под глазами у Маши и тревожно спросила:

– А ты не заболела ли, Машенька? Выглядишь неважно.

– Нет, это я не выспалась, – с улыбкой отмахнулась та. – Ничего, сегодня вечером приду домой, Зойку из комнаты вытурю и как завалюсь!

– Ну как она, Зойка? Как ее мальчик, ты его видела?

– Видела, – буркнула Маша. – Только у нее... теперь уже другой мальчик. Тот, оказывается, предпочел более состоятельную барышню, а наша...

– Ну и ничего! Зачем же он такой нужен, если уже сейчас по состоянию девиц выбирает... – вздернула брови пожилая дама. – Тем более что и Зоя уже успокоилась, так ведь? Нашла себе мальчика лучше. Пусть девочка выбирает, когда же, как не сейчас.

По поводу того, что мальчик «лучше», Маша только крякнула – если вспомнить, как тот мальчик всю ночь был пьяные серенады, то...

– А ты знаешь, Машенька, я сейчас уезжаю... нет-нет, ты со мной не езжай! У меня... у меня появился молодой поклонник, и он меня сейчас повезет по городу, мы с ним проедемся, полюбуемся красотами. Я просто обожаю любоваться красотами... и при этом мне все равно, кто красивее – город или мой новый кавалер. А ты... ты сейчас же ложись спать! И даже не спорь! Все равно тебе делать здесь нечего – генеральную ты вчера уже одолела, продуктов у меня полный холодильник, а время мое можешь честно проспять. Ну ты уж извини, Машенька, на тебя смотреть тяжело. Еще не хватало, чтобы кто-то подумал, что ты из неблагополучных слоев населения! Вот здесь на диванчике и располагайся, тебе будет удобно?

– Конечно же, нет! – возмутилась Маша. – Как же это я так – возьму и завалюсь? Да я и не устала совсем! Давайте я с вами проежусь по городу.

– Да что ты! Я ж говорю – меня поквитит молодой мужчина, ты-то нам на что? Сегодня – спать!! – строго приказала дама. И уже теплее добавила: – И когда ты, Машенька, научишься себя любить?

Спорить с этой женщиной Маша не отважилась – Екатерина Андреевна умела сказать веское слово. Старушка быстро собралась и вышла, а Маша тут же выглянула в окно – надо же, и у такой седой дамы имеется молодой поклонник!

Однако дама никакого поклонника ждать не стала. Твердой поступью она перешла через дорогу и направилась к стоянке такси, подняла руку и села в первую же машину.

– И никого у нее нет, – тепло улыбнулась Маша. – Это она специально уехала, чтобы меня не смущать... какая чуткая женщина...

Маша прилегла на диван и... открыла глаза, когда по квартире кто-то ходил.

– Ой, ну надо же! – испуганно вскочила она. – Это ж я... Сколько времени-то?

– А, проснулась? – заглянула в комнату старушка. – Выспалась? Я рада.

– А вы... вас уже привезли, да? Вы все осмотрели?

– Я передумала, – легко отмахнулась дама. – Мне сегодня не захотелось любоваться ничем... Сегодня я предпочла, чтобы любовались мной. Но... для этого мне нужно немножко поработать. Я решила этот месяц посвятить спорту. Кстати, Машенька, ты умеешь кататься на роликах?

Машенька судорожно сглотнула.

– Н-нет... Екатерина Андреевна, скоро уже каток застынет, а на дорожках гололед, так что... давайте уже катка дождемся.

– И правда, – легко согласилась Спиридонова. – Давай я тебе поставлю отметочку в журнале, что ты у меня сегодня была, а то тебе ведь еще и остальных... обработать надо, правильно?

Маша достала журнал и покосилась на часы. И в самом деле, уже пора было «обрабатывать» и других. Но она все успеет.

К своей проблемной Капитолине Маша побежала в самую последнюю очередь – не хотелось потом с плохим настроением ходить по остальным подопечным.

Однако сегодня тетя Капа была точно ласковая бабушка – даже напекла пирожков с капустой. Маша же всем своим видом показывала, что она, конечно, ничего не говорит, но вчерашнее не забыла. И все же хитрая старушка сумела вымолить прощение. Она так весело рассказывала, как они с соседским старичком сегодня утром ходили за молоком, так красочно описала, что тот хвастался перед ней своим сотовым телефоном, который подарил ему внучка-мальчишка, что Маша не могла на нее сердиться долго. От Капитолины она выходила уже совсем с прекрасным настроением – похоже, старушка приняла все замечания к сведению и больше никаких сюрпризов выкидывать не будет.

Маша сбегала вниз по лестнице, когда наткнулась на соседа – вчерашнего грозного мужчину, которого звали Глебом, да, она точно запомнила.

– Здравствуйте, – весело поздоровалась она. – Ну как? Сегодня у вас никаких жалоб? Спали спокойно?

– Сегодня на удивление спокойно, – скривился сосед.

– Вот! – фыркнула Маша. – Это вам от нас подарок! Можем себе позволить! А вы все жалуетесь, жалуетесь...

Сосед Машиной веселости не разделял, он только угрюмо посмотрел на женщину и произнес:

– А вам не кажется, любезная, что моя мать **всегда** должна спать спокойно? И не ждать от вас эдакой милости? Надо же – подарок они нам сделали! Попробовали бы не сделать!

Настроение быстро портилось.

– Фу, какой вы... недобрый, нудный... – качнула головой Маша, стараясь проскользнуть мимо него как можно быстрее.

– Зато ваша доброта безгранична! – дернул губой сосед, обогнал Машу, и она видела, как он прыгнул в большой темный джип.

Ужас, с кем старушке приходится жить...

Глава 2

«Одинокая бабушка желает...»

В этот день с самого утра все не заладилось. Маша, как всегда, проснулась раньше всех, уже собралась на работу, когда заметила грязное пятно на своем пальто. Пятно было возле самого кармана – будто кто-то, не помыв рук, лазил внутрь.

Маша сунулась в карман, точно – именно здесь она вчера оставила кошелек! Всегда выкладывает в ящичек, а вчера замоталась и оставила в кармане. Она открыла кошелек и... увидела то, что и ожидала: ни одной купюры, даже мелочь добросовестно выпотрошена.

– Роман!! – пытаясь от гнева, толкнула она супруга в бок. – А ну, вставай! Вставай, я тебе говорю!.. Ты, дрянь такая, опять по моим карманам шарил, да?!

Роман суетливо вскочил, некоторое время пялился на жену, ничего не понимая, но так выразительно трясла перед его глазами пустым кошельком, что сознаться пришлось.

– Ты как мельница какая-то... чего руками машешь? Ты ж можешь... мне по лицу задеть нечаянно, – наконец придумал возмутиться он.

– Я сейчас не нечаянно, я специально сейчас как задену!! Как вот так вот... по уху! Да по башке пустой!! – уже кричала Маша. – Сколько раз говорила: не фиг лазить по моим карманам!!!

– А я лазил! Да! А потому что ревную тебя, дурочку! – мокрым воробышком зачирикал супруг. – А потому что мы – семья! А ты...

– Нет, ты скажи, на кой черт ты все деньги выгреб, убожище?!

– А потому что мне надо! Я, может быть, сегодня пойду на работу устраиваться! И как я без денег доберусь, ты не подумала?

– Ты еще, может, устроишься, а может, и нет, а я как теперь на работу попаду? – кипятилась Маша. – Короче – отдавай деньги! На дорогу я тебе выдам. Где они у тебя?

Супруг как-то странно замялся, стал отводить глаза в сторону да и сам решил ненавязчиво удалиться в туалет, но был тут же пойман крепкой рукой супружницы.

– Куда?! Я говорю – деньги давай!! Мне ехать не на что. Не мог же ты вчера ночью их пропить! Я позже тебя легла, ты уже спал.

– Не мог... так я и не пропил! Это... Васька вчера уже в полночь забегал, попросил занять. Ему надо срочно! На... ремонт... организма.

– Да ты в своем уме?! Мало того, что я тебя кормлю-пою, так я теперь еще и твоих собутыльников содержать буду!!

– Не кричи! – старался держать лицо муж. – Василий обязательно отдаст! Я его знаю. У него когда появляются деньги, он всегда отдает.

– Да откуда они у него появятся? У своей Наташки разве что стянет!

Из комнаты показалась недовольная мордаха Иветты.

– Нет, ну что ж такое-то опять? Ну здесь кто-нибудь будет уважать чужой сон? Прямо с самого утра! Чего случилось-то? Свекровь померла?

– Да ты что?! – возмутилась Маша. – Как тебе такое в голову пришло?

– Да, кстати, – встрепенулся муж, – а как там мама? Ты давно у нее была? Как она себя чувствует? Может, и правда уже... того? Чего-то я давненько ее не видел.

– Вчера прибежала, по кастрюлям любопытствовала, думала, ей здесь борщей наварили, – фыркнула Иветта. – А вы со своим... товарищем за пивом бегали. Марь Игоревна, а вы чего не на работе? Уволились, что ли?

Маша бессильно опустилась на диван.

– Какое там... ехать не на что. Этот... аскарид! Он у меня вчера все деньги выудил, даже на дорогу не оставил.

– А мне потому что тоже... нужно! – вякнул Роман Викторович, не желая в глазах невестки выглядеть этим самым аскаридом.

– Ну я вам дам сто рублей... только мне до воскресенья надо отдать, – смиловилась невестка.

– Да отдам я... – вздохнула Маша. – В пятницу и отдам, получка будет.

– В пятницу? – ожил супруг. – Тогда я у Лехи перезайму, а то мне надо ж на работу устраиваться, а как я без денег-то?

Ссориться уже не было времени. Маша выскочила на улицу и решила немедленно настроить себя на хороший лад. Ее подопечные не должны были страдать из-за Машиного супруга-идиота.

– Солнышко-то какое!.. И автобус подошел сразу же... И хорошо, что я сапоги себе в прошлом году купила, вон как в них тепло... И не беда, что зимние, осенние сапоги и вовсе расточительство... тем более что и первый снежок выпал! Красота!

Но как бы она себя ни настраивала, сегодня ей предстояло хлебать неудачу полной ложкой.

Еще одной подопечной, Дарье Николаевне, срочно приспичило кастрировать кота. Котейку предстояло везти в ветеринарку, конечно же, Маше, и аж в центр города, потому что только тамошним кошачьим докторам доверилась трепетная старушка. Она уже созвонилась, их уже ждали, и Маше ничего не оставалось делать, как вздохнуть поглубже, посадить котика в специальный домик и переть на себе этот домик черт-те куда. Правда, бабушка вписала в журнальчик деньги на такси, но Маша решила, что на такси отправится обратно, а эти деньги сэкономит для личных нужд.

Поездка случилась хлопотной. Кот без хозяйки чувствовал себя беспокойно, орал диким мявом и сильно тревожил пассажиров. Но еще хуже он себя повел в ветеринарке. Кусался, шипел, орал и вообще всячески пытался сохранить себя для потомков. Маша извелась вся – она плохо переносила вид крови, не знала, как управляться с орущими животными, и уже в который раз пожалела, что родилась не в семье нефтяного магната.

Такси ей вызвали работники ветеринарной клиники, потому что теперь котик спал и ничего не чувствовал, зато сама Маша готова была вот-вот рухнуть в обморок от пережитого напряжения.

А когда она вернулась в дом Дарьи Николаевны, там ее ждало новое потрясение – старушка в слезах, с распухшим носом и красными глазами и даже выражаться вразумительно не в состоянии.

– Дарья Николаевна! Да что вы так расстраиваетесь? Он живой, просто спит... – попыталась успокоить старушку Маша, но та отчего-то вовсе не успокаивалась.

Некоторое время Маша ничего не могла понять, но, напоив хозяйку страдальца вальерьянкой, выяснила, отчего такая печаль. Оказывается, котик был жутко дорогой породы, и у дочери Дарьи Николаевны на киску имелись серьезные планы. Она только ждала, когда зверю исполнится два года, чтобы развернуть производство породистых котят. Но... случилось то, что случилось.

– Дарья Николаевна... ну нельзя вам так переживать... ну Дарья же Николаевна... – не знала, как утешить бабушку, Маша. И в конце концов пошла на хитрость: – Мне вообще ветеринар сказал, что вы все правильно сделали. Котик этот изначально детей иметь не мог. А если б не операция, то... то... то у него бы собрались камни в почках, вот.

– Откуда у него камни? Можно подумать, я кормлю его гравием! – не могла поверить старушка.

– Да, но вы-то тоже не асфальтом обедали, однако ж у вас у самой-то камни были, – напомнила Маша.

– Ну да... асфальт не ела, точно... – ненадолго задумалась старушка и уже с надеждой уставилась на Машу: – А что, в самом деле сказали, что котят иметь не мог?

– Да... я, во всяком случае, так поняла.

С Дарьей Николаевной удалось ситуацию разрулить, и, уже окончательно вымотанная, Маша направилась к Капитолине Семеновне. Но сегодня она к ней шла совершенно спокойно. Бабушка вела себя уже столько дней пристойно, ничто не предвещало ее очередного буйства. Даже нервно куривший сосед на детской площадке Машу, не растерявшую в свои годы детской наивности, не насторожил.

– А-а, вот и вы, а я вас жду, – ухватил Машу за локоть сосед.

– Позвольте, чего это вы уцепились? – испуганно тарасилась на него Маша и пыталась тормозить каблуками. – Это у вас такой способ ухаживания, что ли?

– Вот мне больше делать нечего! – недобро процедил сосед. – Вы вот сюда посмотрите! Да смотрите, смотрите!

Он тащил ее вовсе даже не к подъезду, а... к ближайшему ларьку.

– Да вы сдурели совсем?! Я не... не пойду! Мне надо... работать! – как могла упиралась Маша, но ее сил явно не хватало, чтобы устоять. – Ну вообще какой-то... идиот прямо, честное слово.

– Да! Я идиот, а вы не идиотка, да? Да не упирайтесь вы, я ж все равно дотащу... Вот! Читайте! – Он подтащил ее к самой двери киоска и чуть ли не носом ткнул в объявление. – Ну чего вы? Онемели, что ли? Читайте вслух!

– А чего здесь странного? – обернулась к нему Маша с непониманием. Однако, увидев его перекосившееся лицо, послушно стала читать: – Ну... «Сдам комнату веселой семье гастарбайтеров. Наличие жен и детей приветствуется». Ну и чего?

– Нет, вы особо обратите внимание – веселой! – перекатылся с пятки на носок Савельев. – Вы на адресок посмотрите, вас ничего не настораживает?

– Слушайте, ну хватит уже кривляться, – не знала что и подумать Маша. – Говорите прямо, почему вы не хотите, чтобы по вот этому адресу поселилась веселая семья несчастных гастарбайтеров?

– Ну... – закатил глаза к небу Савельев. – Может быть, потому что по этому адресу проживает моя престарелая мать? И что ей, к примеру, нужен отдых, покой, а?

– То есть... – смутно начала догадываться Маша.

– Да-да-да, вы все правильно подумали, – скривился Савельев и с силой сорвал объявление. – Ваша подопечная снова придумала веселуху! И теперь моя несчастная мать не может отойти от двери – столько желающих весело проживать у нас вместе со своими женами и детьми.

– А... а почему вы решили, что это Капитолина Семеновна? – склонила голову набок Маша.

– А кто? – мило уставился на нее сын бедной старушки.

– Да мало ли кто! Ребятишки шутили, взяли наобум адрес и написали! – кинулась защищать свою подопечную Маша.

Но соседа не так легко было переубедить, он подготовился серьезно.

– Не получается, – пощелкал он языком, – я с продавцом из киоска говорил, так она мне красочно описала, что подходила с этим листочком бабуля в эдакой курточке с пингвинами во всю спину. У вас есть еще знакомые с пингвинами?

– Н-нет... но...

– Да бросьте вы, – уже устал доказывать Савельев. – Вы что, хотите, чтобы я вашу старушку на очную ставку сюда приволок?

– Нет! – торопливо ответила Маша. Она и в самом деле боялась, что этот верзила притащит сюда еще и бабушку Капитолину. – Нет, не хочу.

– А тогда стойте сами возле нашего подъезда и караульте, чтобы мою мать никто не тревожил, понятно вам? Ну достали уже все эти ваши заигрывания! Я замучился двери туда-сюда открывать! У меня свои дела, заботы, мне столько... а, да что вам говорить! Я занятой человек! А из-за вашей старухи!.. У матери день рождения завтра, она гостей назвала, что-то там готовит, печет, стряпает, а к ней каждую минуту дзынь-дзынь-дзынь! И каждый раз один краше другого! Понятное дело, она звонит мне, я прибегаю и, чтобы мать не тревожить, сижу возле подъезда, курю и выгоняю всех товарищей, кто похож на гостя из дружественных республик... Правда, одного вытурил, а он здесь на девятом этаже живет... накладочка получилась... Ну сколько ж можно? Я вам точно говорю – поймаю вашу бабку и... ноги ей выдерну!

– Вы... вы знаете что... – торопливо семенила за ним Маша. Она отчего-то сразу ему поверила – точно, поймает и выдернет. – Вы вот, вместо того чтобы ругаться, подумали бы: а отчего Капитолина Семеновна так к вашей маме относится? А может быть, она завидует, что у нее такой заботливый сын? Или ей обидно, что ее сынок взял да и оставил ее одну, а сам только деньгами отмазывается. Ну и горько ей... может быть, ее понять, а?

– И что дальше? Понять и пустить всех желающих в квартиру моей матери? Или утонуть в потоке, который она устраивает? Скажите – что?

– А знаете... – вдруг придумала Маша. – А давайте мы наших бабушек подружим, а?

Савельев серьезно посмотрел на нее, потом так же серьезно мотнул головой.

– Вы такая же больная, как ваша бабка, – на всю голову. Это чтобы мы! С ней! Добровольно! Еще и дружить начали?

– Ну конечно. Орать на беззащитную женщину куда легче. А вот понять... Тоже мне, мужик! – И, вздохнув, Маша побрела к подъезду Капитолины Семеновны.

Она уже поднималась на первый этаж, когда за руку ее снова схватил ненавистный сосед.

– Ну хорошо... вы, наверное, правы... старушка и в самом деле обижена... Но как их подружить-то?

Маша с готовностью обернулась к нему и стала говорить тише:

– Вот вы же сами говорите, что у вашей мамы день рождения и она уже гостей назвала. Так пусть она и Капитолину Семеновну пригласит! Старушка не станет думать, что она никому не нужная, ее такой поступок проймет. Она изменится, вот увидите. И мы с вами еще будем вместе над этим смеяться.

– А если не проймет? – серьезно посмотрел на нее Савельев. – Вы только представьте, во что она превратит день рождения матери!

Маша на минутку задумалась, а потом решительно кивнула:

– Обязательно проймет! Проникнется!

– Ну смотрите! Вы мне за нее головой отвечаете.

Маше очень не хотелось отвечать головой этому внушительному мужчине, однако бегать по тревожным звонкам ей нравилось еще меньше.

– Ну смотрите, вы мне обещали, – еще раз напомнил он и по старинке, как боевому соратнику, пожал руку.

Маша, не выдержав, фыркнула. Савельев засмутился, а потом тоже фыркнул и побежал на свой этаж, перескакивая через две ступеньки.

К Капитолине Семеновне Маша вошла решительной, строгой походкой.

– Теть Капа, и что опять за выкрутасы? – сурово посмотрела она на старушку. – Зачем объявление вешали?

– Какое такое объявление? – невинно заморгала проказница.

– Ой, ну прямо куколка Барби, – кивала Маша. – Ваших пингвинов весь район видел... Между прочим, соседка ваша объявление оставила, а только номер квартиры ваш написала. Прямо красным фломастером. Так что ждите.

– Вот пакость какая, а?! – немедленно взвилась Капитолина Семеновна. – Ну ты ж посмотри, какая дрянь! Сама ничего путного придумать не может, так она мне же своих гастарбайтеров направила! Ну не паразитка ли, ты скажи!

– А откуда вы знаете, что там про гастарбайтеров написано? – прищурилась Маша. – Вы ж ничего не писали!

– Ну да... не писала... Так ты ж сказала!! – не знала, как увильнуть, тетя Капа.

– Я ничего про них не говорила.

– Ой, Машенька, ты ее не защищай! Она такая вредная! Вот прямо всю кровь у меня выпила!!

– Где-то я уже это слышала...

– Так еще и не раз услышишь! Это ж такая зараза, соседка-то моя! Все тихонькой да добренькой прикидывается, а сама... жаба! Жаба и есть.

В этот раз Маше так и не удалось убедить подопечную, что соседка ее вовсе даже спокойная и мирная женщина, поэтому она решила просто ждать: как-то заговорит Капа, когда милая старушка пригласит ее на день рождения.

Домой Маша шла сегодня налегке – денег не было, а значит, в магазин идти не с чем. И все равно – на душе у нее пели соловьи.

А дома опять надрывался усердный супруг.

– «Не надо печалиться-я-я-я... вся жисть спереди-и-и...»

– Господи, Роман, ну что ж тебя так распирает-то? – поморщилась Маша. – Опять грязь на кухне. Ну посуду-то за собой можно было помыть... Как у тебя с работой?

Супруг торжественно поднялся, засиял новенькой копеечкой и выпятил грудь вперед.

– Марья! Ты не поверишь! Я... я все-таки нашел!!!

– Неужели? – От неожиданности чуть не села мимо стула Маша. – Взяли? Куда берут? Тебе когда выходить? Ой, да чего ж мы сидим-то? Надо ж... Рома, я сейчас картошку пожарю, и мы... мы поедим. Ну надо же – взяли!! Ты снова будешь работать! Сколько обещают?

Роман неторопливо уселся за стол и вальяжно облокотился на батарею. Руку обожгло мгновенно, он взвизгнул, отдернулся, однако важности не потерял.

– Марья, там очень хорошо платят. Очень!

– Да что ты? – не могла поверить Маша. – А... а точную цифру ты сказать не можешь?

– Я озвучу ее позже.

Она на радостях даже прощала мужу некую театральность. Ну радуется мужик так, да бог с ним. Главное – он будет работать! И Маша за несколько лет сможет хоть раз взять отпуск!

– Так ты скажи – куда устроился-то? – допытывалась она.

– Ты обещала картошку, – напомнил супруг, сохраняя интригу. – Сначала, как говорится, накорми, напои, спать уложи, а там и...

– ...Там уже меня от любопытства разорвет.

– А-а, значит, интересно, да? Ну скажи – интересно, да? – масляными глазками шурился Роман и лез к Маше масляными же руками.

– Ром, ты хоть бы руки помыл, чего ж они у тебя грязные такие, дома ведь сидишь, – не смогла удержаться Маша. – Давай иди мой руки да девчонок зови.

– Девчонок нету! Наша унеслась за новым хахалем, надо думать, а Ивка побежала с подругами в кино. Ты ей потом внушение-то сделай. Чего ж это она – Сашка упирается, горбатится на нее, а ей лишь бы киношки! Какая фифа! А может, нам того?.. Молодость вспомнить? – снова слащаво сощурился муж и сильно ущипнул жену чуть пониже спины. А потом

и вовсе подскочил, обхватил ее за талию и, дыша прямо в лицо луком и кислой капустой, стал ее давить, прижимая все ближе к себе, то бишь выражать нежность.

– Да ладно тебе, очумел совсем, что ли?! – с силой оттолкнула его Маша и вдруг с испугом почувствовала, насколько ей противен собственный муж. Вот с этими сальными глазами, с этими грубыми, нахальными руками... Как она могла **добровольно** жить с этим человеком, ложиться с ним в одну постель и еще рожать от него детей? Как она могла все эти тычки, щипки принимать за ласку, а терзание ее тела – за необузданную любовь? Или он раньше не был таким? Или она не была такой раньше? Или... или она уже настолько махнула на себя рукой, что ей все равно – как к ней относится собственный муж? Ну а чего тогда от него требовать? Он же не умеет иначе проявлять свои чувства... она его этому просто не научила. Принимала как есть и считала, что все нормально. И он так считал... Какой кошмар! А кому-то дарят бриллианты...

– Рома... Ромочка, я, конечно, перед тобой виновата... – начала было Маша, но супруг ее тихий голос принял как предложение к действиям.

– Во-во! Кривляешься, как первоклассница! Давай к Зойке в комнату, пока никого нет, ух ты! – Теперь муж уверенно и с самодовольным смехом больно ущипнул Машу за грудь и с гоготом помчался в комнату дочери. Вероятно, готовиться к романтическому вечеру.

У Маши моментально прошел прилив жалости, она выключила картошку, схватила халат, полотенце и заперлась в ванной. Ничего, пускай подождет, переберется, а она пока в горячей водичке полежит, понежится.

Через полчаса она услышала такой крик, который заглушил даже звук шумящей воды.

Маша выскочила из ванны, наскоро обтерлась полотенцем, накинула халатик и с мокрыми волосами прибежала в комнату.

– Мам! Ну ты посмотри! – чуть не ревела Зойка. – Я тут с парнем пришла, а этот!! Мам, ну давай его уже закодируем, а?! Ну какого черта он пьет как верблюд!! Ну ты посмотри, что он делает!

Маша заглянула в комнату и увидела побелевшего Романа в широченных трусах с веселыми васильками и в длинных зеленых носках на волосатых ногах. Испуганный супруг нервно метался по комнате и пытался прикрыть красоту своего обнаженного тела маленькой Зойкиной подушкой.

– Зоя! – строго прервала рев дочери Маша. – Ничего страшного не произошло! Отец просто хотел отдохнуть, а своей комнаты у нас с ним нет, если ты помнишь. Так что... посидите со своим другом в гостиной!

– Ма! Да ты че?! В какой гостиной мы «посидите»? – вытаращилась Зойка. – Мы ж... нам же...

– Еще раз говорю: отец устроился на работу, поэтому ему нужен полноценный отдых, и теперь ты своих друзей будешь принимать в гостиной. И не слишком удивляйся, если через эту гостиную буду пробегать я в ночной рубашке. Я заметила – у нас довольно стесненные условия.

– Ты у нас прямо такая наблюдательная... – поджала губы Зойка и принялась подчеркнута печально прощаться со своим кавалером: – Пока, Лешик, сегодня нам с тобой... не судьба... порешать логарифмы... а так хотелось, я в них полный дуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.